

Куим – крохотное селенье, запропастившееся в пойменных урманах Большого Демьяна – так почтительно величают инородцы реку Демьянку, что, покрутившись несчётными зигзагами не одну сотню верст, вливается в Иртыш.

Не до лучины. В быстро светлеющих предутренних сумерках Парасковья снуёт по дому. Чуть стукнется ухват о кирпичный под, да тихонько сбрыкает алюминиевая чашка.

Родьку, разбуженного задолго до света, покачивало. Наброшенная на плечи отцовская куфайка¹ свисала до пола.

– Пушай привыкат, – сказал отец, подтолкнув сына к двери.

– Вот, не забудь, – Парасковья протянула мужу холщовый мешок со снедью.

Родьке было плохо: во дворе – сумрачно и зябко, он хотел спать и собрался было захныкать, как отец, взяв его в охапку, уложил в фургон.

Повозку трясло на ухабах; в ушах жёстко шелестела солома; отфыркивался конь, громко и недовольно.

– Но-о! Но-о! – понукал отец, шлёпая вожжами по лошадиному крупу. Он вдруг запел грустно и протяжно. Родьке запомнилось что-то вроде: «Ехал с девушкой трактом почтовым... попросила она, чтоб я песенку спел... я запел, а она зарыдала...»

Родьку убаюкивало: он освоился и с постелью, и с разными звуками и не слышал, как повозка остановилась, и отец переложил его в балаган.

Он сильно испугался, когда высунулся из припорошенной сеном дыры: небо было красным-красно, где-то орали вороны, и он был один.

– Тятя! Тятя! – жалобно позвал он.

– А-а, проснулся, помощник! – сразу откликнулся отец, возникший в балаганном проёме с литовкой в руках.

Родьке стало стыдно за свой испуг. Завидев рассеявшееся на кочуге воронье, он спросил:

– Тять, а можно их, воронов, поймать?

– Да чего же нельзя: подкрадись тихонько и насыпь им соли на хвост!

Родя старался. Зажатая в кулачке соль таяла. Вороны, завидя ползущего к ним ребёнка, орали громче прежнего, снимались с насиженных мест и, сбившись в стаю, улетали вдаль. Родя, задрвав голову, побежал было за ними, да упал, угодив в ямину.

– Ничего, – успокоил отец. – Получится в другой раз. Только ты, Родион, больше под ноги, на землю смотри, чем на небо...

И ещё крепко и надолго Роде запомнился вкус холодного молока из берестяного туюска с куском подового пшеничного хлеба, а также как отец приговаривал: «Коси, коса, пока роса. Роса долой – и мы домой».

Для Родиона ворошить траву – как игра. Он, орудуя маленькими грабельками, прыгал от валка к валку; озоруя, взбрыкивал, как жеребёнок.

1 Куфайка – телогрейка на вате; фуфайка.

А работы не было конца. Родя, нарезвившись, начинал уставать. Погонявшись за кузнечиками, он ложился на землю, на щекотавшую ось. Куда ни оборотись: травяные валки застывшими муравчатыми волнами разбегались по лугу от края до края.

Травостой год от года менял свое обличье: луг то затягивало кипенным лабазником, то вдруг осыпало солнцеликими одуванчиками, то сквозь метляк и зубровку пробивалась лилейными пуговками ромашка.

– Ро-о-дя! Ро-о-дя! – пулей мчалась рыжеволосая Варька, только колени сверкали.

– Ро-дя! Бежим скорее! Там с реки бударка татакает – нас в школу будут забирать!

Родя, поддавшись панике, едва успевал за скорой на ногу Варькой. Коровья тропа обрывалась логотины, дальше паутинками расползалась в разные стороны.

Едва отдышавшись, Родя опомнился:

– Ты сдурела? До школы целый месяц, куда нас?..

– А я сей год в школу не пойду – мне мамке помогать надо. И ты не ходи, – назидательно добавила рыжая. – Кто управляться будет?

Они валялись на примятой траве.

– Фу! – сказала Варька. – Я ногой в коровье гавно залезла!

– Пошли на лыву, скупнемся! – предложил Родя. – Там, за лывой, ручей есть. Я тебе негдымов¹ покажу – они в осоках плескаются.

– Ка-аво? – растягивая и так большой рот, не поняла Варька.

– Тебе вру, что ли? Мне тятя давно показывал. Я тогда на покосах ишшо хотел солью воронов поймать.

– Ка-аво? – опять удивилась Варька. – Родя, ты пошто такой-то? Солью, Родя, рыбу осаливают, а не воронов.

По пути Варька сломила перестойную ветку кипрея: сверху – уже пух, только пониже на стебельке остались фиолетовые цветочки. Она пушком щекотала себе нос до тех пор, пока не расчихалась.

– Тихо, – сказал Родя. – Распугаешь.

Они склонились над водой и стали ждать.

– И чё? – не выдержала Варька.

– Да вот же они!

Из желтоватой глубины и взаправду лениво всплыла наверх стайка рыб – серых, толстоспинных.

– Я знаю, кто они, – прошептала Варька. – Это же сорожни².

– Нет, сорожни другие. Они как лапки – широкаянькие, и глаза и перья у них, сорожней, красные. Это точно негдымы. Жирнющщие! Они в покосное время идут в верховые соры³, там и зимуют – тятя сказывал.

– Тятя, тятя! – разозлилась отчего-то Варька, шлёпнула веткой по воде, и она шумно вскипела разом, словно взорвалась.

– Ах! – испугалась Варька, вскакивая.

– Ну вот, – обиделся Родя. – Теперь они спрячутся...

Лыва – заросшая старица – вся в осочных берегах, только в одном местечке – чистая отмелюшка.

Варька, стянув через голову платье, первая – шлёп в воду и забарахталась.

1 Негдым, мохтик – (местн.) елец.

2 Сорожня – (местн.) сорюга.

3 Сор – озеро.

Родя задержался, возясь с портками, и... шлёп!

Накувавшись, они вылезли на берег и, подстелив домотканую одежку, улеглись: Родя, смущаясь, – на живот, беззастенчивая Варька – на спину.

Полуденное солнце жарило всюю. Нагретый воздух, густо настоянный на прибрежных травах и застойной воде, дымным маревом колыхался над старичным тюпиком¹.

Не разлепляя глаз, Родя словил паута, усевшегося ему на ухо.

– Щас я тебя самолётиком сделаю, – пообещал он насекомому. Прокколол брюшко тонкой соломинкой и, как только паут зажуужжал во всю мощь, – отпустил.

– Во-о, вишь, полетел! – ликовал Родя.

– Ну вот... Надо было желание загадать, – встряла Варька.

– Како ещё?

– Родя, а когда мы вырастем, ты меня не бросишь?

Родион что-то буркнул в ответ, но Варька поняла по-своему:

– Смотри, Родя, ты слово дал!.. Родя, Родя, а у тебя на жопе родя, – заозорничала Варька, тыча вицей в ягодицу.

– А ты... – разозлился он. – Ты маленькая, а сиськи большие!

– Где? Где?

– Вот! – Родя вырвал из её руки прутик и ткнул в набухшие соски. – Будут такие, как у нашей Зорьки вымя!

– Дурак ты, Родя. Дурак и не лечишься...

Они поссорились.

Родя схватил одежду в охапку и убежал, сверкая голой задницей.

– Дурак! Дурак! – визгливо кричала вслед Варька.

Перед домами, пока Родя суетливо одевался, обжигаясь о крапиву, Варька догнала его.

– Ладно, Родя, не скись... Пойдём у тунгуса сухую рыбу стащим, а? Слышь, он на берегу осиновку² долбит, нас-то и не увидит.

– Нет, – твёрдо отрезал Родя. – Негодно так. От чужого болести будут. Пошли лучше малину почавкаем!

Малина давно «убежала» через городьбу – разрослась аж до берега. Беспрестанно хохоча, они нагибали ветки; ягоды – горстями – в рот, до оскомины.

– Варька! Ты где носишься? А ну – домой!

Они притихли, затаившись, но тут же разбежались.

Родя оказался прав: никто и не собирався забирать их в школу.

Из дома вышли лумкоевские: высокий худой мужик из правления колхоза (он казался ещё выше от восседающей на макушке выцветшей фуражки с околышем), следом – придурочный Липитяй и обеспокоенная мать с мешком, набитым овечьей шерстью. Высокий тащил под мышкой свиную шкуру, перевязанную саргой³, а другой рукой пытался застегнуть кожаный офицерский планшет.

У Липитяя было два берестяных туеса.

– Мам, что у него? – спросил, набычившись, Родя.

– Яйца, Родя. Это ж положено так – налог на курочек.

– Яйко, яйко, – заgrimасничал Липитяй, размахивая туесами.

1 Тюпик – оконечность озера в узком месте.

2 Осинковка – лодка из цельного ствола дерева.

3 Сарга – годовой слой древесины, содранный в длину прута.

– Смотри у меня! – хрипло сказал мужик. – Разобьёшь – я те отдубасю!
– Басю-басю – отдубасю, – согласился юродивый.

Наконец высокий справился с сумкой. Увидел Родю и сказал:

– А, так вот он каков, пострелец твой. На отца смахиват.

На ходу поймал Родю длинными пальцами за макушку, больно крутанул. Родя подсел, вырвался из хватки, отпрыгнул вбок.

– Не трожь! – выкрикнул громко и зло.

– С норовом. Гляди-ка... В отца. Тот тоже всё дичился, колхоз ему нипочём, тайгу ему подавай. И чё? Щас всех на фронт прибрали...

Мать пошла провожать непрошенных гостей на берег. Родя, оставшись дома, рассматривал бумагу на столе.

– Чево им надо от нас? – спросил, когда мать вернулась.

– Чё хорошего! Налоги на нас привезли. И на тебя, и на Варьку план дали – сено ставить по сорок центнеров каждому. Вот ведро¹ бы постояло!..

В сенях зашуршало.

– Заходи, заходи, Лукьяновна. Здесья мы, дома, – засуетилась мать. – Родя, поди загони корову, да иди к Варьке, забор поправь – ихний бык забесился, всё там изнахратил. А мы тут с Лукерьей покалякаем, что да как.

Родя нашел Варьку в стайке. Шмыгая носом, широко расставив ноги, она сидела под коровой. Струи молока звонко били в подойник.

– Родя, чё делать? Моя мамка хочет к зиме в Урматку съехать. Жалко её – болеет и болеет, а там сестра ёйная... А папки наши – я знаю – уже не возвратятся...

И Варька разревелась громко, некрасиво. Корова занервничала, ударила ногой по ведру. Родя, изображая взрослого, положил руки на Варькины плечи, задумался, намереваясь сказать важное, главное, но сказал другое:

– Варь, давай завтра убежим на лыву, к негдымам. Я с травинки силку сделаю и тебе их насмыгаю. Хочешь?

Варька редела всё тише, согласно кивала головой – хлюпающий нос мешал ей говорить.

1 Ведро – летняя сухая и ясная погода